

И далее Симеон Полоцкий перечисляет: первая книга — «мир сей», вторая — закон, написанный перстом Божиим и переданный через Моисея, третья книга — Иисус Христос, четвертая — дева Мария, пятая — совесть каждого человека, шестая книга — та, которую бог тайно читает, церковь называет ее «книгой живота», —

Пишут бо ся имена в ней богом избранных .

От поведения каждого человека, — говорит Симеон, — зависит, будет ли он вписан в эту книгу, и прибавляет:

Мы, братие, потщимся совершенно жити,  
да можем совершенно написани быти. .

Итак, главная мысль второго стихотворения: какие книги бог ни создал, все делается для того, чтобы научить людей «благоправно жити».

В третьем стихотворении цикла поэт вспоминает слова пророка Иезекииля о том, что ангел заставил его съесть книгу, от которой у него сначала на устах был мед (Иезекиль, III, 3), а затем — прибавляет от себя Симеон, — во чреве горечь. Так, заключает поэт, происходит и с нами: читая евангельские книги, мы сперва ощущаем сотоподобную сладость, но затем, видя, как несправедливо мы живем, мы начинаем огорчаться и предаемся покаянию:

Но в слѣд тоя горести, вѣчна идет сладость,  
по временной печали, безконечна радость

Следовательно, третье стихотворение как бы подводит итог всему циклу: чтение должно вести людей к «совершенному житию».

Мысль, положенную в основу части второго стихотворения, посвященной «шестой книге», которую «сам ту бог читает», Симеон дополнил в двустишии «Книга жизни»:

В книзѣ животнѣй кто нѣсть написанны,  
в езеро огненно той будет посланны.

Стихи «Книга» и «Книга жизни» завершаются очень показательным для позиции Симеона Полоцкого стихотворением «Книга и молитва»:

Негли нѣкто жслает, что есть лучше знати,  
молитися господу, ли книги читати,  
Аугустин отвѣщаст' чрез молитву многу  
мы благоговѣйную, бесѣдуем к богу.  
А егда писание святое читаем,  
Бога к нам глаголюща быти познаваем.  
Благо уубо молитву к богу возсылати,  
Добро и писание священно читати

Подобно тому как двустишие «Книга жизни» дополняет сказанное Симеоном во втором стихотворении рассмотренного выше цикла о «шестой книге», созданной богом, так в стихотворении «Мир есть книга» он развил мысль о «первой книге», «предложенной нам» богом:

Мир сей преукрашенный книга есть велика,  
яже словом написа всяческих владыка.  
Пять листов препространных в неися обрѣтают,  
яже чудна писмена в себѣ заключают.

Эти пять листов — небо, «огнь стихийный», «преширокий аер», «сонм водный» и земля со всем, что есть на ней и в ней.<sup>17</sup>

Нас не должно удивлять, что приведенное стихотворение представляет

<sup>17</sup> Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, стр. 257—258.